

Зиннурова Л.И.

УДК 130.2

ЦИНИЗМ КАК СЕРЬЕЗНЫЙ НЕДУГ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Во второй половине XX века европейское общество поразил недуг, который не все заметили и ощутили, т.к. он каким-то обыденным и естественным образом захватил людей, к нему быстро привыкли, и он не вызвал неудобных и резких изменений. Это цинизм, пропитавший до оснований все сферы общественного бытия и общественного сознания: экономику, политику, искусство, религию, науку и знание, образование. Цинизм стал неотъемлемой характеристикой всего и вся. О цинизме говорили, он существовал практически всегда, но он обретался на периферии и занимал очень скромное место в жизни, поэтому не привлекал к себе пристального внимания и не удостоивался глубокого теоретического интереса. В итоге цинизм оказался неопределенно размытым термином, нагруженным и перегруженным ассоциациями. Определения цинизма можно отыскать практически в любом словаре, энциклопедии, причем эти определения по большей части негативны. Цинизм справедливо заслуженно клеймили поэты и писатели, строгие моралисты. Сложилось так, что цинизм как социальный феномен стал предметом описания и изучения филологов, отчасти историков и очень редко философов.

В цинизме усматривали моральное бездушие, откровенное пренебрежение к нравственным, этическим или другим формам поведения личности; откровенность, доведенную до бесстыдства, грубое и откровенное бесстыдство; наглость, вызывающе презрительное отношение к благопристойности; намеренное оскорбление и осмеяние добрых чувств, поступков, общепринятых ценностей; неверие в искренность чувств, благородство поступков и доброту людей, выраженное в форме глумления и насмешки над ними; аморальное уравнивание различного и противоположного.

Серьезное философское исследование цинизма было предпринято немецким философом П. Слотердайком в работе «Критика цинического разума», ставшей философским бестселлером буквально сразу же по выходу в свет в 80-х годах XX века. Именно П. Слотердаик констатировал, что цинизм – это чрезвычайно широко разлившееся в обществе явление, как недуг, поразивший культуру. Цинизм приобрел универсальный и диффузный характер, более того, он стал одной из разновидностей общественного разума – «цинического разума», занявшего прочное место в ряду, представленном теоретическим, критическим, теологическим, эстетическим, практическим, жизненным разумами, и поэтому вполне основательно претендовавшим на критическое рассмотрение. П. Слотердаик выделил цинизм военный, медицинский, политический, художественный, цинизм знания и образования, цинизм верхов (господский) и цинизм низов (плебейский).

Совсем недавно прибежищем цинизма, оправданным спецификой деятельности, были только политика, война, медицина. В политике цинизм способствовал «развязанию» рук, в войне маскировал трусость и осторожность, в медицине позволял сохранить психическое здоровье медицинского персонала и его работоспособность.

Во всех остальных сферах жизни общества цинизм был неуместен, запрещен, находился под подозрением, расценивался как асоциальное явление. Теперь без цинизма не обходятся нигде, он стал обыденным, привычным, постоянным. Это трагично, потому что цинизм как внутренняя язва и внешняя плесень разъедает человека и общество, обесценивает жизнь, лишает ее смысла и цели.

П. Слотердаик характеризует цинизм как одну из тех категорий, «в которых современное несчастное сознание видит себя со всей ясностью. Цинический дух времени – то специфическое чувство надломленности, деморализации, усталости от свехсложных проблем, которое воплощается и в нашем теле» [5, с. 231]. Цинизм в то же время и метод отстранения, дистанцирования от неприятностей. Цинизм как «просвещенное ложное сознание» стал, по выражению П. Слотердайка, «закоренело-двойственным умом», который отбросил мужество, а *prigori* считает обманом все постулаты и думают только о том, чтобы хоть как-то перебиться, выжить. Повседневный, массовый, диффузный цинизм состоит в том, что знают лучшее, а делают худшее в пикку ему.

Современный циник – это интегрированный в общество антиобщественный тип, который подспудно и абсолютно лишен всяческих иллюзий.

Воцарение цинизма – это следствие и повальной просвещенности во всем – всему знают подлинную цену; и крушения идеалов, иллюзий в трагическом бытии XX века, и усугубляющегося чувства социального и экзистенциального одиночества, разобщенности людей.

Заметим, что цинизм парадоксальным и потому непостижимым образом, в особенности, на первый взгляд, связан с образованностью. Цинизмом в первую очередь, оказываются, поражены интеллигенты или интеллектуалы. Но, будучи очень заразительным, чтобы не сказать заразным, цинизм расползается очень широко, захватывая и другие слои общества. Правда, чем ниже уровень образования, тем больше цинизм вырождается просто в хамство, грубость, наглость, поскольку он лишается понимания ситуации, осмысленности.

Кроме отмеченных причин, порождающих цинизм, П. Слотердаик выделяет еще одну. «Чем более безальтернативным кажется современное общество, тем больше цинизма оно себе позволяет», – говорит автор «Критики цинического разума» [5, с. 195].

Современное мировое общественное сознание как раз и пронизано идеей безальтернативности рыночно-капиталистическому устройству, вбитой, вдолбленной в головы СМИ, современным искусством, современным образованием, и, безусловно, идеологией лидеров и организаторов такого устройства общества.

Кажущаяся неизбежность и единственность рыночного капитализма сталкивается с все более очевидной неспособностью так устроенного общества справиться с кризисом, его охватившим. Несчастное сознание пытается спастись цинизмом, отгородиться им от страха и раздражающей его двойственности.

Интеллигенция, интеллектуалы цинизм воспринимают как философию жизни, проявляющуюся в реставрации и уродливом преувеличении в исторически иных кризисных ситуациях некоторых старых как мир, идей и принципов:

- индивидуализм и субъективизм;
- предпочтение природы закону;
- идеализация дикости, враждебности к цивилизации;
- анархизм;
- болезненный эгоцентризм.

Во всем этом без труда находится все то, что было всегда свойственно интеллектуальной или, по меньшей мере, образованной части общества. Показательно, что отмеченное более характерно и свойственно молодым или относительно молодым людям. С возрастом люди остепеняются, успокаиваются и естественным образом отстраняются от цинической философии жизни, тем более от цинического поведения. С возрастом уходит примат дурной естественности, пренебрежение разумными условностями и приличиями, значимость которых глубоко и прочно осознается, укореняется, и потому не подвергается сомнению. Э. Берк превосходно выразил умопостроение взрослых, заявляя, что человеческие страсти и желания нуждаются в ограничении, обуздании, и чем меньше этих ограничений внутри человека, тем больше их должно быть во внешнем его бытии.

Цинизм и как образ жизни и как ее философия имеет глубокие корни и является «вершками» возникшего в античности корневого кинизма. Хотя до сих пор неизвестно, как в античности произносили первую букву слова кинизм, «κ» или как «ц», в наши дни кинизм и цинизм четко отделены друг от друга и во времени, и в этимологии. Кинизм прочно связан с античностью, цинизм же сопрягается с последующим за античностью временем, в котором античный кинизм подвергается множественным деформациям, серьезно изменившим его сущность, роль, проявления.

«Между кинизмом и цинизмом существует две формальные общности: мотив самосохранения в кризисные времена и тот род бесстыдного, грязного аморализма, который без оглядки на конвенциональные тормоза морали объявляет себя сторонником того, что есть на самом деле», – утверждает П. Слотердаjk [5, с.213]. В самом деле, появление кинизма в античности и расползание цинизма в XX-XXI веках обусловлено кризисом общества и естественным стремлением людей, человека выжить в нем. Кинизм и цинизм аморальны, бесстыдны. Но между ними необходимо видеть различия.

Античный кинизм – все-таки больше линия философствования как образа жизни, использующая метод скандального эпатажа. Античные киники свое поведение мотивировали неприятием отчужденной цивилизации господствующего слоя, приверженностью к прямоте, голой неприкрытой правде, неограниченной свободе слова, правдивому слову, тождеству слова-идеи слову-поступку, т.е. устремленностью к целостности человека. Античные киники гордились верностью, любовью к человеку, близостью к природе, нетерпимостью к злу, открытостью, искренностью. Они не только самовывивали, но и руководствовались высокими и благородными целями, искали настоящего человека, утверждали, пусть и неподобающим образом, нравственные ценности. Они были искренними, убежденными и цельными людьми. Их даже трудно обвинять в бесстыдстве, т.к. их бесстыдство весьма условно. Античность на современный взгляд достаточно бесстыдна, она проникнута эротизмом, фаллическими и оргиастическими культами, оплодотворяющей магией; искусству ее свойственна фривольность: обнаженные скульптуры, откровенно эротические сюжеты фресок, вазописи, комедий Аристотеля, но она не воспринималась как бесстыдная современниками, ибо такой она была. А вопрос о том было ли присуще древним грекам чувство, стыда, остается открытым. Античный кинизм существовал на обочине общественной и философской жизни, он маргинален; античный киник – изгой, отщепенец, герой анекдотов; кинизм не укоренен в социальной структуре античного общества. Античному кинизму свойственен разрушительный дух, он не настолько силен и вполне подлежит искоренению или хотя бы массовому порицанию. Зерно кинизма заключается в иронической критической философии по отношению к так называемым потребностям, в выявлении их принципиальной бесконечности и абсурдности. Современный цинизм – массовый, современный циник интегрирован в социальную структуру, а цинизм стал типом общественного разума, подлежащего критике, то есть серьезному осмыслению. Современный цинизм грубо эгоистичен, утилитарен, антисоциален. Он существует в атмосфере всеобщего потребительства, а ирония часто не доступна современным циникам.

Античный кинизм был образом жизни, современный цинизм – маска, которую надевают на себя, он личина, а не сущность личности. Современный циник раздвоен, разорван. Античный кинизм – это антигедонизм, космополитизм, добровольная маргинальность, страстный пафос отказа от социальных ценностей во имя свободы. Шокирующее антисоциальное поведение, диктуемое асоциальными максимумами, нигилистическое глумление над общепринятыми культурными нормами – не самоцель, а только средство для достижения счастья как свободной исполненной внутреннего достоинства жизни, в которой судьбе противопоставляется мужество, закону – природа, а страстям – разум; нравственная автономия выступает как аксиологический максимализм.

Средством кинического сопротивления в античности служит тело в своей конкретной натуральности: кинический принцип – во-площение. Аргументы киников воплощаются в соматических или

пантомимических формах. Киник не ведет речи, не спорит словесно, он живет вопреки тому, что считает неправильным. Диоген Синопский не опровергает Платона дискурсивно в вопросе о сущности человека, а приносит в Академию опущенную курицу в качестве вещественного аргумента, вполне подпадающего под определение человека как двуногого без перьев.

В последующие за античностью эпохи кинизм подвергался извращению и деформации в силу его неверного, ошибочного понимания, вульгаризации, преувеличения формы за счет содержания. В результате появился псевдокинизм в поздней античности. Заметим, что и в античности ранней уже были те, кто надевал на себя киническую маску, не понимая или не разделяя сущности кинизма подлинного.

Этимологическое значение слова «кинос» – собака, с которым часто связывают термин кинизм, содержит в себе негативный оттенок: собака было нередко ругательным словом, и это тоже нужно принять во внимание, рассматривая метаморфозы античного кинизма в истории.

Отрицательно-метафорическое переосмысление понятия «кинизм» привело и к замене его понятием «цинизм». Повторимся, что подлинная киническая философия никогда не опускалась до эгоистически нахального цинизма и боролась за благородные цели.

В средневековье для христианства цинизм обозначает менталитет нигилистов, дьяволопоклонников. Лексема «цинизм», с XVI века приобретшая переносно-негативную коннотацию, в XIX веке широко употребляется как синоним бесстыдства, наглости, попрания норм общественной морали, грубости и хамства, непристойной прямоты и вульгарности.

Присущие античному кинизму смелость деформировалась в грубость, дерзость – в наглость, откровенность – в бесстыдство, бунтарство – в дебоширство, ироничность – в издевательство, критичность – в глумление, скептицизм – в нигилизм, естественность – в непристойность, целесообразность – в бессмысленность, нетерпимость к злу – в равнодушие.

Цинизм XX и XXI веков – отрицательное социально-этическое жизненное явление, это превратившийся в свою противоположность кинизм посредством извращенного, «неправильного» отрицания.

Цинизм не аморальная позиция, утверждает П. Слотердаjk. Скорее, сама мораль поставлена на службу аморализму. Честность и неподкупность трактуется современными циниками как высшее проявление бесчестности; мораль как изощреннейший разврат, правда – как самая эффективная форма лжи, да и сама правда выродилась в правдивость, которой можно прикрыть самую наглую ложь. Цинический разум, как считает П. Слотердаjk, неизбежный продукт постидеологического мира, в котором идеология предстает как ложь, которая желает, чтобы ее принимали за правду, которая переживается как правда, жаждет, чтобы ее воспринимали всерьез.

Цинический разум не наивен, он парадоксальным образом оказывается просвещенным ложным сознанием: прекрасно осознавая фальшь, полностью отдавая себе отчет в том, что за идеологическими универсалиями скрываются частные интересы, он вовсе не собирается отказываться от этих универсалий. Как форма сознания, только цинизм соответствует абстрактно-искусственному социальному телу буржуазного общества. В этом социальном теле два разрыва: между знанием и действием, и между одиночными индивидами и диффузной массой.

Цинизм инспирируется и инициируется негативностью общественного бытия и негативностью человека. Цинизм – ложный проект бегства от негативности, попытка ускользнуть от нее в квазипозитивности «просвещенного несчастного сознания».

Циник, как рисует его П. Слотердаjk, это пограничный случай меланхолика, который контролирует свои депрессивные симптомы и еще в некоторой степени способен продолжать работу. Шизоидный синдром, присущий цинику: днем колонизатор, вечером колонизируемый; официально – функционер, в частной сфере чувствительный малый; на службе – охранитель порядка, в идеологии спорщик; вовне – реальный политик, внутри – гедонист; функционально – служитель капитала, интенционально – демократ.

Человек с циническим сознанием, ко всему относящийся одинаково, преспокойно будет существовать в сложившемся социально-экономическом порядке. Для него все одинаково, его ничто не выводит из состояния стороннего наблюдателя. Для него не важно, кому и куда продавать свой интеллект: властным структурам, школе, глянцевого журналу, сомнительному телевизионному каналу, любой бизнес-структуре. Для современного человека основной модус восприятия мира – дистанцированное созерцание и осмысление, модус циника и релятивиста. Мы уже разучились испытывать порицание или одобрение к происходящему, мы готовы ко всему.

Цинизм – порабощенное и капитализированное критическое сознание, которое отказывается от критики в пользу идеологии.

Современный цинизм – это переход от надежды к реализму, от протеста – к умной меланхолии, от великого политического «нет» к стотысячному и мизерному субполитическому «да», от политического радикализма к среднему курсу интеллигентного существования, от принципиальности к конформизму, от великих идеалов к житейским прописным истинам.

«В нашем обществе воцарился цинический разум, держащийся на сочетании железобетонной проектной директивности с непробиваемой иронией по отношению к большим надеждам и целям», – констатирует А. Ашкеров [1], имея в виду современное российское общество. Такого же толка цинизм присущ и украинскому обществу.

Цинизм нивелирует личность, отчуждая человека от его сущности. В нас живет кто-то квазиформальный, который является носителем наших социальных идентификаций. Этот кто-то гарантирует преимущество чужого над своим: там, где, кажется, нахожусь я, уже всегда существовали другие, они превращают меня в автомат, благодаря обобществлению моей жизни.

Разрыв между индивидуальным желанием и общими притязаниями, между делом и чистой теорией, между жизнью и знанием кинизм преодолевал практикой, а цинизм, зная о разрыве, не желает его преодолевать.

Кинизм спасает от раздвоенности, цинизм бессознательно потворствует процессу шизоидного расщепления, шизофрении, не борется с раздвоенностью, а нацеливает на стремление как-то скоротать время, перебиться, подбадривая себя тем, что еще живем.

Современные интеллектуалы – циники. Они начитаны, но не в состоянии действовать. Им легче смеяться, сидя дома на диване, чем решать проблемы. Они смеются, т.к. лишены иллюзий и понимают, чем все закончится; они по-настоящему не верят имеющимся объяснениями, но не могут предложить своих.

Цинизм – результат властной стратегии по вытеснению интеллектуалов с политического поля. В обстановке тотального цинизма, интеллектуалы, которые могли бы что-то сделать, будут осмеяны. Интеллектуалы же, с другой стороны, с помощью цинизма защищаются.

Цинизм, безусловно, вызван и лавиной информации, обрушивающейся на человека и не позволяющей даже просто спокойно подумать, а не только предложить какое-то разумное решение.

Цинизм не признает ничего скрытого, он стремится к тому, чтобы все причины лежали на поверхности. Цинизм демонстративно лоялен к уму и равно пренебрежителен к глупости. Цинизм часто сквозит во всезнании, «жизненном опыте».

Современный цинизм нивелирует жизнь, разрушает человека, разъедает общество. Если даже его анализ весьма труден, то сколь же тяжело будет его выкорчевать, вырвать как смертельно опасный, смердящий и гнилостный феномен. Цинизм все более утрачивает превентивные, охранительные, оборонительные функции, превращаясь в развешивающую силу, глубоко проникшую всюду.

По мере осознания негативизма цинизма все более настоятельной становится проблема его преодоления или хотя бы нейтрализации как крайне опасного заболевания, ослабляющего и без того нездоровое общество.

П. Слотердаjk полагает возможным преодолеть современный цинизм посредством возрождения кинизма античного толка. Большие надежды возлагаются на выработку интеллектуалами мировой стратегии выживания. Однако, хотя вроде бы человечество, по меньшей мере, в лице его интеллектуальной элиты, достаточно искушено в историческом и социальном знании, и поэтому можно было бы ожидать формирования стратегии развития в общемировом масштабе. Однако, такой стратегии не существует. Причину этого М.В. Бахтин видит в историческом анамнезе современного общества и в отсутствии серьезной озабоченности происходящим, что не позволяет сформировать дискурс озабоченной коммуникации, вне которого никакие призывы не будут услышаны. Исторический опыт научил цинизму – воздержанию от позитивного суждения и действия. Наконец, в современном обществе безмерно возросли, усложнились функции индивидуального существования в социуме. Современному человеку, погруженному в свою повседневность, и нет дела до целого человечества, да и нет сил и времени на него. Поэтому едва ли возможен глобальный рецепт воссоздания заинтересованного в человечестве существования, говорит М.В. Бахтин. Возможно, следует начинать восстанавливать локальные сообщества – семейные, коммуны, хоры, команды, народы, церкви, а для этого нужно разбудить озабоченность человека современностью, которая может вырасти из продумывания до конца черт цинического разума и созданной им реальности. Решающая роль при этом принадлежит социокультурному критическому суждению, которое вырабатывается учеными-гуманитариями, а их авторитет, возможно, безвозвратно утрачен.

Существующая власть цинична и в своем неверии в то, что говорит, и в своей иронии к попытке манипулировать обществом; следовательно, она не в состоянии вывести общество из болота цинизма.

Вылечить цинизм молодых невозможно одной лишь проповедью или путем демонстрации более совершенных целей и идеалов.

Излечение наступит только тогда, когда интеллектуалы смогут найти себе работу, в которой могут осуществлять свои творческие замыслы – писал Б. Рассел еще в далеком 1929 году [2].

Можно предположить, что выкорчевывание цинизма осуществимо посредством возвращения обществу высоких целей, идеалов, формированием в нем надежды, оптимизма. Но как показывает наша современность, преобладают как раз противоположные устремления: усиленное педалирование идеи конца света, неизбежного трагического конца, бесперспективности жизни.

Суммируя проблескивающие в общественном мировом сознании, вселяющие надежду предложения по борьбе с цинизмом, удается выделить следующее:

- трезво и скрупулезно осмыслить цинический разум с тем, чтобы всколыхнуть, взбудоражить людей, вырвать их из плена вязкого болота равнодушия, отчужденности, безнадежности, безверия, нигилизма, пробудить их к озабоченности совместным существованием и его будущим;

- восстановить престиж и значимость подлинных целей, идеалов, устремлений, что под силу гуманитариям, а для этого нужно, в свою очередь, восстановить престиж гуманитариев и гуманитарного знания;

- обеспечить интеллектуалом применение их способностей, сил;

- начинать оздоровление общества с его минимальных составляющих частей – семейных пар, команд, художественных и религиозных объединений, двигаясь к народам, нациям и в итоге к мировому сообществу;

- вся деятельность должна и может быть упорной, кропотливой, системной и необратимой.

Источники и литература:

1. Ашкеров А. Интеллектуалы и модернизация : [Электронный ресурс] / А. Ашкеров. – Режим доступа : leviafan.org. All Rights Reserved.
2. Бахтин М. В. Историческое знание в эпоху цинического разума : [Электронный ресурс] / М. В. Бахтин. – Режим доступа : rudocs.exdat.com/docs/index-197655.html.
3. Нахов И. М. Кинизм и цинизм: отжившее и живое / И. М. Нахов // Живое наследие античности. Вопросы классической филологии. – М., 1987. – Вып. IX. – С. 231-245.
4. Рассел Б. О юношеском цинизме : [Электронный ресурс] / Б. Рассел. – Режим доступа : <http://www.sbiblio.com/forum/>.
5. Слотердайк П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. – Екатеринбург, М. : У-фактория; АСТ Москва, 2008. – 798 с.

Макуха Г.В.**УДК 111.12:17.023.31(470+477)****ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ И СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ**

Постановка проблемы. К представителям отечественной философии в данной статье причисляются известные философы и мыслители, жившие в Российской империи, а затем в Советском Союзе, имеющие определённое отношение к Украине. Такими наиболее известными отечественными мыслителями являются *Г. С. Сковорода, П. Д. Юркевич, В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев и В. И. Вернадский*. К каким же философским направлениям примыкают учения этих отечественных философов, и как решается ими проблема сущности и существования человека?

Целью данной статьи является 1) проанализировать основные учения, сформировавшиеся в отечественной философии, и определить, к какому философскому направлению они относятся; 2) выяснить специфику решения проблемы сущности и существования человека в основных отечественных философских учениях.

Изложение основного материала. Первым украинским философом является уроженец Киевской губернии *Григорий Саввич Сковорода*. Философские воззрения Сковороды относятся к *космоцентризму* в *пантеистической* форме с существенными элементами *теоцентризма*; можно сказать, что это космоцентризм, облечённый в теоцентристскую форму. Суть онтологических идей Сковороды сводится к следующему.

Пантеизм Сковороды проявляется в том, что, согласно размышлениям философа, Бог присутствует в мире, он пронизывает весь мир [10, с. 113] и является тем началом, которое составляет первооснову всего существующего [10, с. 24]. Миром правит божественное *предопределение* [10, с. 144]. Мироздание характеризуется *двойственностью бытия*, оно делится на *духовную* и *материальную* (вещественную) сферы [10, с. 113]. Но эта двойственность не абсолютна, поскольку, в конечном счёте, она трансформируется в единство [11, с. 16]. Так же Сковорода утверждает, что существуют *три мира* (три разных уровня мироздания). Первый – большой мир – *космос*, второй – малый мир – *человек (микрокосм)*, третий – символический мир – *Библия* [11, с. 148].

В контексте названной онтологической схемы философ рассматривает проблему *сущности и существования* человека. *Человек* у Сковороды – существо *трансцендентно-космическое*, он есть *микрокосм*, тождественный по своей сути *макрокосму*. «Я верю и знаю, – пишет Сковорода в письме к М. Ковалинскому, – что все то, что существует в великом мире, существует и в малом, и что возможно в малом мире, то возможно и в великом по соответствию оных и по единству всеисполнения исполняющего духа» [11, с. 408].

Значительное внимание философ уделяет проблеме *существования человека в мире*. Человек, по мнению Сковороды, ответственен перед собой за то, где ищет себе меру – в предметах внешнего мира или в обретении душевного мира, а вместе с ним и *свободы* от внешнего мира. Только такую свободу может обрести человек, который должен постичь божью волю как свою, т. е. найти самого себя, своё подлинное существование. Идея *свободы от мира* в понимании Г. С. Сковороды – это идея свободы от бренности бытия, от пагубного влияния пороков и грехов, порождаемых этим миром [10, с. 121]. Анализируя *деятельность* человека, философ отдаёт предпочтение «внутренней», интровертной, познавательной деятельности. Не внешняя плоть, по мнению Сковороды, главное в человеке, но мысль (*мыслительная деятельность*). И эта мыслительная деятельность должна быть направлена на постижение Бога. «Ключом» к постижению Бога является сам человек. Поскольку человек, как утверждает Библия, создан по образу и подобию Бога, *человек может постичь Бога через познание своей внутренней божественной сущности, через познание самого себя*. Царство божье внутри нас, поучал Сковорода, и чтобы познать его, нужно познать самого себя [10, с. 172]. Пока человек не знает Бога в самом себе, нечего искать его в мире. «Внешняя» деятельность человека, по его мнению, должна согласовываться с *божественным предназначением человека*. Для разъяснения идеи божественного предназначения философ использует понятие «*сродность*» [10, с. 436 – 437]. Сковорода характеризует сродность как «...врожденное божие благоволение ... знать то, что есть подобие в душе и в том деле, к которому она стремится...» [10, с. 437]. Иными словами, философ считает, что в процессе своей «внешней» деятельности и посредством этой